

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Берзина Маргарита Евгеньевна

**ПУШКИНСКИЙ И ГОГОЛЕВСКИЙ ПОДТЕКСТЫ В РОМАНЕ
И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ». ПАРОДИЧНОСТЬ И ЕЕ
РЕАЛИЗАЦИЯ**

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской
Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Москва — 2025

Диссертация подготовлена на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

**Научный
руководитель**

Ранчин Андрей Михайлович,
доктор филологических наук, доцент

Кулагина Ольга Львовна,
доктор филологических наук,
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М.В.Ломоносова»,
старший научный сотрудник кафедры литературно-
художественной критики и публицистики факультета
журналистики

**Официальные
оппоненты**

Ничипоров Илья Борисович,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М.В.Ломоносова», профессор кафедры истории новейшей русской
литературы и современного литературного процесса
филологического факультета

Фельдман Давид Маркович,
кандидат филологических наук, доктор исторических наук,
профессор
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный
университет»,
профессор кафедры литературной критики факультета
журналистики

Защита диссертации состоится «03» апреля 2025 г. в 16 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.059.2 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ имени М.В.Ломоносова, д.1. стр. 51, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3349>

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

О.С.Октябрьская

Основная характеристика работы

Написанный в 1927 году роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» — настольная книга советского интеллигента — знаком широкому читателю прежде всего по острой сатире и необычности авторских афоризмов, давно вплетенных в ткань разговорного языка: «интеллигенцию в СССР эти книги ["Двенадцать стульев" и "Золотой теленок"] во многом научили говорить... благодаря им Главная Улица советской неофициальной культуры оказалась менее безъязыкой, чем она была бы при их отсутствии»¹.

Однако почти не запечатлен в культурной памяти² тот факт, что роман соткан из аллюзий на дореволюционную русскую литературу и культуру.

Известен, к примеру, афоризм дворника Тихона «Наших невест... давно на том свете с фонарями ищут»³, но едва ли широко известно, что источник этого афоризма — библейская притча о десяти девах, которые «взяв светильники свои, вышли навстречу жениху» [Мф. 25:1-13], а также неоконченная повесть Михаила Лермонтова «Штосс», где заезжий Лугин точно так же подробно расспрашивал дворника. Известна в то же время сцена южного землетрясения и угрожающий вопрос раздраженного Остапа: «Бунт на корабле?» — но малоизвестно, что эпизод этот вплоть до «медной ладони», которой Великий Комбинатор без жалости бьет Кису по шее, воссоздает бедствие и бунт из «Медного всадника» Александра Пушкина.

«Двенадцать стульев» — мозаика из множества аллюзий на романы, повести и рассказы, а определение и выявление этих интертекстуальных элементов не слишком отличается от сюжетного топоса поиска сокровищ — композиционного стержня первого романа про Великого Комбинатора. Один из главных исследователей диалогии Ильфа и Петрова Юрий Щеглов писал об отраженной в романе

¹ Щеглов Ю. К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 52

² Термин «культурная память» приводится в его классическом значении, сформулированном в книге Я. Ассмана «Культурная память»: это не наследуемая биологически память, «внешняя сторона социальной традиции и коммуникации». Термин «культурная память» «подразумевает одно из внешних изменений человеческой памяти». См.: Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 29-47.

³ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. — М.: Вагриус, 1998. С. 28.

«лоскутности»⁴ постреволюционной эпохи, которая прослеживается в том числе за счет аллюзий (на классическую литературу) и «бесчисленных вкраплений»⁵ в текст «старого, вдребезги разбитого быта»⁶, о «полупереваренном дореволюционном субстрате», что «то и дело проглядывает... из-под форм новой действительности, комично с ними соединяясь»⁷. Майя Каганская и Зеев Бар-Селла также отмечали, что художественная реальность «Двенадцати стульев» — это реальность, которая глубоко «поражена литературой»⁸, и сама жизнь в представлении Ильфа и Петрова как будто действительно является не чем иным, как «способом существования литературных текстов»⁹.

К похожему выводу приходит в книге, посвященной творчеству М. Зощенко, и М. Чудакова: «Они [Ильф и Петров] производят как бы пересмотр уже имеющегося в литературе материала и отбирают годное — то, что может быть использовано в нужном сочетании с образцами других стилей»¹⁰.

Интертекстуальность романа, его «лоскутность», во многом есть попытка отражения постреволюционной эпохи, которую Щеглов иронично сравнивает со средневековыми архитектурными преобразованиями: «Новая культура утилизирует обломки старой, подобно тому как в Средние века победители вделывали в кладку своих домов надписи, гербы, украшения из снесенных дворцов и башен поверженного врага...»¹¹.

Художественная задача «Двенадцати стульев», как ее сформулировали сами авторы, — «показать жизнь»¹², и методом ее воссоздания становится

⁴ Щеглов Ю. К. Указ соч. С. 20.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Каганская М. Л., Бар-Селла З. Мастер Гамбс и Маргарита. — Без места публикации, 2011. Т. 2. С. 18.

⁹ Там же.

¹⁰ Чудакова М. О. Поэтика Зощенко. — М.: Наука, 1979. С. 99.

¹¹ Щеглов Ю. К. Указ соч. С. 38.

¹² Петров Е. П. Мой друг Ильф. — М.: Текст, 2001. С. 147.

интертекстуальность.

Объект исследования — текст романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Последовательность глав обусловлена необходимостью вначале определить и охарактеризовать релевантный метод работы с указанным произведением, уточнить понятийный аппарат, чтобы затем приступить к практической части исследования, а именно: применению к роману об Остапе Бендере интертекстуального метода.

Предмет исследования — пушкинские и гоголевские подтексты «Двенадцати стульев», выявленные самостоятельно, а также в тезисной форме уже выделенные в труде Щеглова, посвященном творчеству двух соавторов. **Материал исследования** — реконструкция романа «Двенадцать стульев», проведенная в 1997 году М. Одесским и Д. Фельдманом, называемая ими редакцией, в которой «игнорируются правка идеологическая и сокращения»¹³: «Для предлагаемого издания за основу был взят самый ранний из сохранившихся вариантов, переписанный Петровым»¹⁴.

Методология и методы исследования. Основной метод, примененный в диссертации, — сопоставительное исследование произведений А. Пушкина, Н. Гоголя и романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

Методологическую и теоретическую основу работы составили исследования, посвященные вопросам семиотики (Р. Барт, Ю. Лотман, Ю. Кристева), интертекстуальности (Р. Барт, Ю. Кристева, М. Бахтин, А. Жолковский, Н. Фатеева, Д. Орайч-Толич, Ж. Женетт, П. Тороп), теории пародии (Ю. Тынянов, А. Морозов).

Степень научной разработанности темы едва ли можно оценить как высокую. Отчасти это объясняется непростой судьбой самого романа.

«Двенадцать стульев» изначально не были тепло восприняты критиками. Петров вспоминал: «Первая рецензия в “Вечерке”. Потом рецензий вообще не было»¹⁵. И эта первая¹⁶ рецензия в газете «Вечерняя Москва», рецензия от второго сентября 1928

¹³ Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа с комментариями М. Одесского и Д. Фельдмана. — М.: Вагриус, 1999. URL: <https://www.rulit.me/books/dvenadcat-stulev-polnaya-versiya-read-247485-6.html> [Электронный ресурс]. Дата последнего обращения: 3.07.2024.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ И в действительности не единственная. М. Одесский и Фельдман приводят еще два негативных отзыва, последовавших после рецензии Л.К., — в журнале «Книги и профсоюзы» (1928 г.) и в журнале «Книга и революция» (1929 г.).

года, соответствует духу времени. Не подписываясь полным именем (лишь инициалы — Л. К.), автор замечает: Ильф и Петров «прошли мимо действительной жизни», а в художественный объектив попали только «уходящие с жизненной сцены типы». Образы, которые создали «два молодых дикаря», показались Л.К. странными — слишком устаревшими, слишком «бывшими» и связанными слишком тесно не только с эпохой дореволюционной России, но и с ее литературой.

Иными словами, косвенно тот факт, что дореволюционная — классическая — литература повлияла на «Двенадцать стульев», был отмечен еще в самом первом отзыве о романе.

Если влияние дореволюционной культуры действительно очевидно даже при прочтении в социально-политическом (не историко-литературном) аспекте, если вскользь оно было установлено с самого первого отклика, а сам роман, как образно называл его Щеглов, — не что иное, как лоскутное одеяло, самые яркие фрагменты которого взяты именно из прошлого, то метод интертекстуального анализа, бесспорно, является наиболее целесообразным подходом к изучению такого произведения.

Рассматривая случаи применения интертекстуального метода к «Двенадцати стульям», следует отметить, что большинство из них приходится на более-менее современный этап исследования (начиная с девяностых годов двадцатого века), что объясняется во многом непростой историей произведения — «... говоря о приеме "Двенадцати стульев" критикой в течение года после издания, можно выделить две полярные точки зрения: книга "оплеванная" и книга, о которой критики не писали»¹⁷.

Немногочисленные рецензии, Л.К., Г. Блока, автора статьи «Советский магазин», были негативными (положительно позже отозвались Н. Бухарин, О. Мандельштам, Ю. Олеша). Спустя почти год после публикации романа вышла статья А. Тарасенкова «Книга, о которой не пишут», и произведение сочли «благонадежным» текстом, о котором в принципе можно высказываться без возможных последствий со стороны власти.

Положительный отзыв о романе, однако, для Тарасенкова не прошел совсем бесследно — в 1948 году (спустя почти двадцать лет) ему был сделан выговор за

¹⁷ Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа с комментариями М. Одесского и Д. Фельдмана. — М.: Вагриус, 1999. URL: <https://www.rulit.me/books/dvenadcat-stulev-polnaya-versiya-read-247485-6.html> [Электронный ресурс]. Дата последнего обращения: 3.07.2024.

опубликованный отклик — на основании постановления секретариата Союза советских писателей от пятнадцатого ноября того же года. В конце сороковых отношение критики к роману меняется из-за его якобы антисоветского пафоса. В результате доноса ряда партийных деятелей (в числе которых был, например, Д. Шепилов) роман в конце концов был запрещен к печати вплоть до второй половины пятидесятых. Сложная судьба произведения, активно высказываемые сомнения в важности и необходимости сатиры в принципе, едва ли способствовали его изучению.

Всплеск научного интереса к «Двенадцати стульях» характерен уже для последней четверти двадцатого века. В это же время появляются первые случаи применения к роману интертекстуального метода. В частности, следует упомянуть книгу М. Чудаковой «Поэтика Зощенко», в которой одна из глав («Пути слова в прозе 20-30х годов») посвящена отчасти творческому стилю Ильфа и Петрова. Отличительная особенность его, согласно Чудаковой, — игровая рецепция классической литературы¹⁸. Отдельно в книге рассматривалась имитация толстовского стиля, отмечалась в целом высокая степень заимствования в «Двенадцати стульях» — что уже представляло предмет для отдельного филологического исследования.

Такой труд — его первое издание — выходит в Вене в начале девяностых годов. На сегодняшний день его автор, Щеглов, остается ведущим исследователем творчества Ильфа и Петрова. При комментировании в своем «Спутнике читателя» ученый исходит прежде всего из того, что интертекстуальность романа — его ключевая черта: «И в самом деле, ДС/ЗТ выделяются среди всех произведений 20-х гг. своей исключительно густой литературностью. Это поистине идеальный объект для изучения так называемой "интертекстуальности" во всех ее вариантах»¹⁹. При этом Щеглов отдельно комментирует важность рецепции русской классики в романе: «... это касается представленных в ДС/ЗТ элементов дореволюционного мира. Здесь перед нами не столько непосредственные свидетельства об ушедшей эпохе, сколько концентрат ее мотивов и устоявшихся признаков»²⁰. Огромное внимание исследователь посвящает выявлению аллюзий на

¹⁸ Чудакова М. О. Указ соч. С. 99.

¹⁹ Щеглов Ю. К. Указ соч. С. 51.

²⁰ Там же. С. 35.

произведения русской классики в романе (см. напр., стр. 82, 87, 215, 250 — указаны пушкинские и гоголевские подтексты). В некотором смысле лакуной фундаментального и практически всеобъемлющего труда Щеглова является то, что чаще всего функции тех или иных аллюзий не рассматриваются, а интертекстуальный анализ останавливается лишь на этапе выявления и систематизации.

На рубеже двадцатого и двадцать первого веков, во-первых, выступает с докладом, посвященным анализу гоголевских традиций в произведениях Ильфа и Петрова, на международной научной конференции в Екатеринбурге Е. Маркевич.

Интертекстуальный анализ (вследствие формата) нельзя назвать полным, однако Маркевич отмечает несколько важных случаев гоголевской рецепции: «Можно даже говорить о феномене влияния на творчество Ильфа и Петрова особого типа художественного мышления Гоголя, проявляющегося на уровне проблематики, преобладающего пафоса, типа обобщения и структурных закономерностей»²¹.

Во-вторых, выходит в свет полный вариант (т.е. авторский без учета цензурной правки) романа «Двенадцать стульев» с комментариями М. Одесского и Д. Фельдмана. Среди прочих примечателен комментарий, намечающий возможный предмет интертекстуального исследования: «Осенью 1927 года Воробьянинов убедился, что попытка вернуть прошлое не удастся. И осенью 1927 года был построен новый железнодорожный клуб — на воробьяниновские средства. Круг замкнулся. И в итоге авторы (иронически обыгрывая сюжет пушкинской "Пиковой дамы") доказали, что любые попытки вернуться в прошлое — безумны, губительны»²². Комментарий показателен в том отношении, что большинство исследований интертекстуальности романа представляют собой (по разным причинам) такие же перспективные тезисы без аргументации или объяснения причины обращения к классическим текстам.

В начале двадцать первого века публикуется ряд статей, в которых интертекстуальный метод используется для выявления в «Двенадцати стульях» влияния того или иного сочинения, относящегося к классической литературе. В

²¹ Маркевич Е. В. Гоголевские традиции в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова // Дергачевские чтения – 98. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы международной научной конференции. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 1998. С. 180.

²² Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа с комментариями М. Одесского и Д. Фельдмана. — М.: Вагриус, 1999. С. 541.

частности, в 2009 году выходит статья М. Соколянского «О гоголевских традициях в диалогии И. Ильфа и Е. Петрова». Вкратце исследователь рассматривает несколько аллюзий на гоголевские произведения в двух романах об Остапе Бендере, применяя (опять же довольно тезисно) интертекстуальный метод.

В качестве основных претекстов Соколянский обозначает гоголевские «Ревизор» и «Мертвые души»; анализируется, к примеру, схожесть Бендера и Хлестакова: «Подчас проглядывает в действиях Остапа Бендера сходство и с другим гоголевским героем — Хлестаковым. Достаточно вспомнить грустно-комическое признание героя Козлевичу, что он, было, написал "Я помню чудное мгновенье.", а потом вспомнил, что стихотворение уже было написано Пушкиным, или хвастовство подпольного миллионера перед студентами в поезде»²³.

Необходимо отметить также защиту диссертации Т. Афанасьевой по теме «Литературная архетипика и мотивно-образная система диалогии И. Ильфа и Е. Петрова»²⁴.

Уже в 2013 году опубликована статья Е. Анисимовой «"Когда луна поднялась и ее мятный свет озарил миниатюрный бюстик Жуковского. . . ": "Жуковский код" в романе И. Ильфа и Е. Петрова "Двенадцать стульев"», в которой рассматривались идейно-композиционные функции аллюзий на творчество Жуковского. В частности, исследовательница отмечает функцию романтизации образа Бендера: «Другое направление реализации "Жуковского кода" связано с романтизированным образом Остапа Бендера... Не менее популярный "бендерский" сюжет связан с полутурецким происхождением Жуковского: при взятии крепости Бендеры попала в плен и была вывезена в Россию его мать - турчанка Сальха... В этом смысле мотив полутурецкого происхождения Остапа Бендера также может быть обязан своим происхождением широко известной в литературных кругах истории жизни

²³ Соколянский М. Г. О гоголевских традициях в диалогии И. Ильфа и Е. Петрова // Известия Российской академии наук. 2009. № 1 (68). С. 44.

²⁴ Афанасьева Т. С. Литературная архетипика и мотивно-образная система диалогии И. Ильфа и Е. Петрова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. URL: <https://www.dissercat.com/content/literaturnaya-arkhetipika-i-motivno-obraznaya-sistema-dilogii-i-ilfa-i-e-petrova> (дата обращения: 05.09.2020).

Жуковского»²⁵.

В 2020 году выходит статья «Детали советского быта в интертекстовом пространстве И. Ильфа и Е. Петрова ("Двенадцать стульев" и "Золотой теленок")»²⁶ К. Сидоренко, косвенно также связанная с предметом данного исследования.

В общем и целом, интерес к применению интертекстуального анализа к «Двенадцати стульям» лишь начинает развиваться в академической среде. К настоящему моменту остаются не проанализированы отдельно, например, функции пушкинских, гоголевских, чеховских, лермонтовских и др. аллюзий в романе. Уже опубликованные труды либо охватывают всех ключевых классических авторов (как «Спутник читателя» Щеглова), но подробно не раскрывают роль аллюзий на их творчество; либо, наоборот, являются достаточно узконаправленными и при этом зачастую поверхностными вследствие формата (как работы Соколянского или Маркевич, укладываемые в несколько страниц, — в то время как подобный охват материала соответствует в большей степени диссертации или книге).

Несмотря на то что практически все исследователи творчества Ильфа и Петрова отмечают целесообразность разбора «Двенадцати стульев» интертекстуальным методом — работ, где данный метод действительно был бы реализован полноценно, в конечном счете не так много, и они не являются исчерпывающими и с точки зрения анализа интертекстуальности как средства создания комического эффекта, в то время как большинство фигур интертекста в «Двенадцати стульях» являются (так или иначе) случаями «смехового слова»²⁷, которое «выступает важнейшим элементом теории смеховой культуры, разрабатывавшейся М. М. Бахтиным во второй половине 1930-х - начале 70-х гг.»²⁸.

²⁵ *Анисимова Е. Е.* «Когда луна поднялась и ее мятный свет озарил миниатюрный бюстик Жуковского...»: «Жуковский код» в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» // Вестник Томского государственного университета. 2013. №1(21). С. 77.

²⁶ *Сидоренко К. П.* Детали советского быта в интертекстовом пространстве И. Ильфа и Е. Петрова («Двенадцать стульев» и «Золотой теленок») // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2020. №196. С. 37-43.

²⁷ Определение термина см. по: *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1990. 545 с.

²⁸ *Осовский О. Е.* Смеховое слово как один из аспектов наследия М. М. Бахтина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №8 (2). С. 26.

Восполнение существующих лакун является одной из задач диссертационного исследования.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые проведен системный анализ обращений Ильфа и Петрова к нескольким ключевым для романа претекстам — произведениям А. Пушкина («Пиковая дама» и «Медный всадник») и Н. Гоголя («Ревизор», «Портрет» и «Шинель»).

Актуальность обращения к анализу фигур интертекста (т.е. реминисценциям или аллюзиям, цитатам) в романе «Двенадцать стульев» обусловлена прежде всего тем, что они и есть «материал», из которого соткано лоскутное одеяло произведения. «Мысль писателя реализуется в определенной художественной структуре и неотделима от нее»²⁹. Обращение к «чужому слову» — метод Ильфа и Петрова и особый язык их текста, соответственно, рассмотрение этого обращения является ключом к пониманию художественного замысла первого романа дилогии.

Цель работы — применение интертекстуального метода для анализа романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», в частности пушкинских и гоголевских подтекстов произведения, призванных дать ключ к его более глубокому прочтению как текста травестийного. Для осуществления поставленной цели определены следующие **задачи**:

1. Уточнить понятийный аппарат интертекстуального метода, его основные этапы, существующие классификации фигур интертекста;
2. Проанализировать поэму «Медный всадник» как значимый претекст главы «Землетрясение»;
3. Соотнести повести «Пиковая дама» Пушкина и «Портрет» Гоголя с романом Ильфа и Петрова: обозначить идейно-композиционные параллели, переключки в системе персонажей;
4. Охарактеризовать влияние комедии «Ревизор» Гоголя на старгородские главы «Двенадцати стульев», прокомментировать авторский взгляд на функцию смеха;
5. Рассмотреть повесть «Шинель» и ее влияние на сюжетную линию Ипполита Воробьянинова.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. В романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» значимую роль играют

²⁹ Ломан Ю. М. Структура художественного текста. — М.: Искусство, 1970. С. 18.

пушкинские подтексты, реализованные как на сюжетно-композиционном уровне, так и на уровне системы персонажей. Важные претексты, служащие ключом к более глубокому прочтению романа, — «петербургская повесть» «Медный всадник» и повесть «Пиковая дама».

2. Гоголевская традиция является для художественного метода Ильфа и Петрова определяющей. Гоголевские мотивы прослеживаются в семантике сюжета, системе персонажей, а также в комическом пафосе, средствах его создания. Существенное влияние на «Двенадцать стульев» оказали комедия «Ревизор», повести «Портрет» и «Шинель».

3. Повести «Портрет» Гоголя и «Пиковая дама» Пушкина образуют для романа Ильфа и Петрова единый претекст вследствие их сюжетно-композиционной и идейной схожести.

4. Большинство аллюзий на пушкинские и гоголевские тексты выполняют в тексте романа пародичную функцию.

Степень достоверности результатов, проведенных соискателем ученой степени исследований, во-первых, подтверждена опорой на существующую российскую традицию научного изучения творчества Ильфа и Петрова, во-вторых, обосновывается использованием апробированных и традиционных литературоведческих методов (прежде всего интертекстуального метода), а также благодаря полноте и точности представленных библиографических описаний, верифицируемости впервые представляемых сведений, последовательной аргументации предлагаемых выводов.

Теоретическая значимость заключается в уточнении понятийного аппарата интертекстуального метода, а также релевантных терминов, использованных исследователями творчества Ильфа и Петрова (мимикрия, рециклизация и др.). **Практическая значимость** результатов определяется тем, что они могут быть использованы в общих и специальных вузовских курсах по творчеству Ильфа и Петрова, исследованию рецепции классики в раннесталинскую эпоху, по истории и теории литературы. Данная научно-квалификационная работа, с одной стороны, подводит итог существующим трудам по анализу романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», а с другой — восполняет имеющиеся в них лакуны, отвечает на вопрос о механизмах функционирования элементов русской классической

литературы в первом романе об Остапе Бендере.

Апробация работы. Ключевые положения диссертационной работы отражены в двух докладах (XXIV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2017», Москва, Россия, 10-14 апреля 2017 г.; XIX International Conference of Young Philologists (15th-17th of February, 2018), Tallinn, Estonia, 17.02.2018.), пяти статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, определенных Положением о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, и одной статье в ином научном журнале, не относящемся к изданиям, определенным Положением о присуждении ученых степеней МГУ.

Диссертация прошла апробацию при защите НКР по той же теме на кафедре истории русской литературы филологического факультета 5 сентября 2024 года.

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы и двух приложений.

Основное содержание работы

Во **Введении** к диссертации кратко описаны основные особенности творческого метода Ильфа и Петрова, приведена характеристика рецепции романа в культурном сознании, а также намечены основные шаги, необходимые для вывода о роли пушкинских и гоголевских мотивов. Проведен обзор истории изучения фигур интертекста в романе «Двенадцать стульев»: от первой рецензии до современных научных трудов. В результате проведенного реферативного исследования намечены существующие лакуны, восполнению которых посвящены последующие главы работы.

Первая глава диссертационного исследования — «Интертекстуальный анализ. История и методология. Интертекстуальность и теория пародии», три ее параграфа: «Интертекстуальность. История и специфика», «Интертекстуальный анализ. Определение, методика, основные понятия» и «Соотношение интертекстуальности и пародии. Пародийность и пародичность» дает методологический комментарий. В ней рассматривается теоретическая база интертекстуального анализа, который затем применяется к тексту «Двенадцати стульев». В частности, в первой главе освещается история возникновения идеи («чужое слово» по Бахтину, «язык других» по Барту и

т.д.), основные этапы интертекстуального анализа. Приводятся существующие классификации фигур интертекста (например, классификации Н. Фатеевой и Д. Ораич-Толич). Конкретизируются релевантные для последующего анализа термины: аллюзия, цитата, реминисценция, подтекст, претекст и др. Кроме того, рассматривается вопрос соотношения пародии и интертекстуальности, оппозиция Тынянова пародийность-пародичность, актуальная для исследования.

Во **второй главе** («Бунт на корабле»: петербургская повесть А. Пушкина «Медный всадник» как претекст для романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев») поэма А. Пушкина «Медный всадник» анализируется как значимый претекст главы «Землетрясение» на основании сюжетно-композиционных перекличек (сюжетообразующий мотив природной катастрофы), а также перекличек на уровне системы персонажей (Остап — Кумир на бронзовом коне; Воробьянинов — Евгений). Сходства выявлены также на уровне художественных деталей, использованных в описании катастрофы и ее последствий. В результате анализа сделан вывод о трагедийном характере художественного диалога, фарсовой интерпретации «петербургской повести», отраженной и в иллюстрации к одному из самых популярных изданий романа.

В **третьей главе** («Если вещи ваши сны»: повести «Пиковая дама» А. Пушкина и «Портрет» Н. Гоголя как претексты романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев») рассмотрены повести «Пиковая дама» и «Портрет» как образующие единый претекст для романа Ильфа и Петрова. Выводом из главы стало обозначение идейно-композиционных сходств указанных повестей и текста об Остапе Бендере. На основании сюжетных функций выделены следующие три группы персонажей: во-первых, Германн — Чартков — Воробьянинов — отец Федор (персонажи, стремящиеся к «немотивированному обогащению»), во-вторых, старая графиня — ростовщик — мадам Петухова (персонажи, характеризующиеся амплуа пожилого хранителя тайны), в-третьих, Лизавета Ивановна — Lise — Лиза Качалова (героини, невольно потворствующие падению главных героев). Важные сходства отмечены и на мотивном уровне: «Пиковую даму», «Портрет» и «Двенадцать стульев» объединяет ряд ключевых мотивов, таких, как мотив искушения, безумия, лунного света. Кроме того, отмечен и притчевый подтекст «Двенадцати стульев», созданный благодаря

обращению к пушкинскому и гоголевскому текстам (стремление к немотивированному обогащению приводит к сумасшествию и потере всего).

В **четвертой главе** («Инкогнито проклятое»: комедия Н. Гоголя *Ревизор* как претекст для романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев») работы осуществлено исследование, с одной стороны, рефлексии Гоголя, Ильфа и Петрова над ролью смеха, выявлена важность «смехового слова» в творчестве авторов, выступавших в оппозиции к тем современникам, которые нивелировали роль сатирической литературы. Обратить внимание можно на следующее высказывание Е. Петрова: «Враги говорили, что юмор — это низкий жанр, что он вреден. Плача, мы возражали»³⁰.

С другой стороны, отмечено сильное влияние комедии Гоголя «*Ревизор*» на старгородские главы романа «Двенадцать стульев»: отчетливы сходства в сюжетобразующих мотивах (появление в городе инкогнито), семантике сюжета (разоблачение), системах персонажей (Хлестаков — Воробьянинов и Бендер, Осип — Воробьянинов и Бендер, Городничий — Кислярский, Земляника — Альхен, Анна Андреевна и Марья Антоновна — Елена Станиславовна и мадам Грицацуева), хронотопе (изображение временной и географической периферии), поэтике, в обоих случаях основанной на алогизмах и каламбурах.

В **пятой главе** («Вечная идея»: повесть Н. Гоголя «Шинель» как претекст для романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев») проведен сопоставительный анализ повести «Шинель» и романа «Двенадцать стульев» на материале сравнения системы персонажей (обзор образов «маленьких людей» и средств создания этих образов, образа «значительного лица», разбор его сходства с Воробьяниновым), стилистических особенностей (каламбуров), мотивов утраты – надежды – утраты, мистических подтекстов, а также образа равнодушного города. В результате проведенного анализа сделан вывод об отличии в интерпретации темы гуманизма в повести Гоголя и в романе «Двенадцать стульев», отмечен трагический пафос отражения «Шинели», что соответствует и отражению «Медного всадника» Пушкина в «Двенадцати стульях».

³⁰ Петров Е. П. Указ. соч. С. 175.

В первом приложении к работе рассмотрены библейские мотивы и их рецепция в романе «Двенадцать стульев». Являясь важной частью культурного кода XIX века, библейские мотивы важны и в поэтике романа Ильфа и Петрова. Они пронизывают стилевой, сюжетный и идейный уровни «Двенадцать стульев», осмысляясь преимущественно травестийно, что позволяет говорить о них как о еще одном способе реализации пародичности в романе.

Во втором приложении проанализированы и систематизированы нехудожественные претексты романа «Двенадцать стульев»: тексты путеводителей, императорских указов, речей и статей Ленина. Для классификации указанных фигур интертекста использована типология, разработанная Г. П. Блоком в книге «Пушкин в работе над историческими источниками». В результате проведенного исследования сделано следующее заключение: обращение соавторов к документам эпохи обуславливается тремя факторами. Во-первых, иллюстративной функцией, художественной задачей изображения колорита эпохи; во-вторых, частью травестийной игры, реализацией пародичности; в-третьих, функцией раскрытия образа главного героя, Великого Комбинатора.

Оба приложения соответствуют заявленной теме диссертационного исследования, так как в них рассматриваются случаи реализации пародичности в романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Первое и второе приложения расширяют материал исследования и намечают пути для дальнейшей научной работы по анализу первого романа об Остапе Бендере.

Заключение диссертации отражает итоги типологического анализа, обозначая роль пушкинских и гоголевских подтекстов:

Рециклизация, пародичная рецепция русской классики, как и абсурдные детали в виде упоминания неуместных, странных названий (хореографические курсы имени Леонардо да Винчи) во многом есть отражение темы хаоса и постреволюционной неустроенности: «Принадлежности, функционеры, инструменты прежней культуры выбиты со своих традиционных мест, вырваны из приличествующего им окружения, хаотично разбросаны по ландшафту новой действительности, варварски втиснуты в чуждые им, остраняющие, а порой и оскверняющие контексты»³¹. Меняются ролями

³¹ Щеглов Ю. К. Указ соч. С. 36.

«маленький человек» и «кумир на бронзовом коне» с медной ладонью: именно Остапу перерезают горло в конце романа, трагически осмысливается сюжет о мечте и ее потере.

Лишь роль смеха остается неизменно ключевой, сохраняя позиции в неустойчивой и неоднородной действительности, отраженной в романе; и в комическом начале — проявление безусловной преемственности Ильфа и Петрова по отношению к тому, что воспринималось в контексте межвоенного двадцатилетия как архаичное, к литературе XIX в (а именно, к Гоголю и его осмыслению важности смеха).

Кроме пародичной функции необходимо обозначить следующее: пушкинские и гоголевские подтексты в романе, *во-первых*, отражают модернистскую тенденцию к диалогу с предшествующей культурой, а также черту эпохи: сохранение «осколков» архаичного в хаотичной постреволюционной действительности. *Во-вторых*, раскрывают своеобразие художественного метода Ильфа и Петрова (поэтики романа, основанной на том, что нет ничего вне уже сказанного, то есть поэтики, созданной благодаря «чужому слову»). *В-третьих*, пушкинские и гоголевские мотивы играют роль идейно-композиционную.

В то же время важно, что Пушкин и Гоголь — не единственные авторы XIX века, повлиявшие на поэтику романа «Двенадцать стульев». Частотны обращения к Чехову, Толстому, Достоевскому, Лермонтову. Анализ рецепции творчества перечисленных авторов может составлять предмет нового исследования. Подбор материала в диссертации обусловлен двумя факторами: наибольшей частотностью обращения Ильфа и Петрова именно к творчеству Пушкина и Гоголя³², очевидной взаимосвязью произведений двух авторов-современников.

Созданный Ильфом и Петровым мир его ключевой исследователь³³ сравнивал с разграбленной средневековой крепостью — забраны с собой прежние гербы, теперь вместо них тоже гербы, но другие, разбросана мебель, не на своих местах вещи или же они помещены в странные, неоднородные горы³⁴. Яркий пример — краеведческий

³² Вывод сделан на основе материала «Спутника читателя» Ю. Щеглова.

³³ Ю. К. Щеглов

³⁴ Щеглов Ю. К. Указ соч. С. 38.

музей, изображенный в «Золотом теленке». В него оказался помещен странный набор предметов, среди которых: два халата, подарок — зуб мамонта, изображение «Стычка с басмачами», рыбка в аквариуме, чучела саранчи, фарфоровая фигурка и макет обелиска. Столь же парадоксален и комичен мир первого романа дилогии.

Его художественная реальность необычна и многогранна, «блуждающих снов» (метафора Жолковского) в ней запечатлено столь много, что завершённое исследование позволяет сделать в их трактовке лишь первый из множества будущих шагов.

Основные положения диссертации отражены в 6 научных работах автора общим объемом 4,45 а.л., в том числе 5 публикациях (объемом 3,65 а.л.) в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М. В. Ломоносова:

1. Шанурина (Берзина) М. Е. Шинель и бриллианты // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 3 (39). С. 44–55 (0,8 а. л.). ИФ РИНЦ — 0,158.

2. Шанурина (Берзина) М. Е. «Медный всадник» А. Пушкина как претекст XXXIX главы романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» // Вестник Московского Университета. Серия 9: Филология. 2020. №2. С. 117–125 (0,56 а. л.). ИФ РИНЦ — 0,138.

3. Шанурина (Берзина) М. Е. Если вещи ваши сны // Новый мир. 2020. №9(1145). С. 192–201 (0,99 а. л.). ИФ РИНЦ — 0,188.

4. Шанурина (Берзина) М. Е. «Храм Спаса на Картошке»: десакрализация библейского текста и травестия религиозных мотивов в романе И. Ильфа и Е. Петрова Двенадцать стульев // Slavia Orientalis. 2021. №1 (LXX). С. 85–101 (0,8 а. л.). ИФ РИНЦ — 0,121.

5. Берзина М. Е. Обращения к документам эпохи как стилистическая особенность романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: классификация «чужого слова» // Litera. 2024. №12. С. 102–111 (0,5 а. л.). ИФ РИНЦ — 0,203.

В иных изданиях:

6. Берзина М. Е. «Инкогнито проклятое»: комедия Н. Гоголя «Ревизор» как претекст романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» // Литературоведческий журнал. 2024. № 2 (64). С. 113–135 (0,8 а. л.). ИФ РИНЦ — 0,16.